

Лу Няньци некоторое время показывал всем верёвку и лишь потом спохватился: «Разве все мои деньги не украли? Почему же эта верёвка тут?!»

Как только он осознал, что дело принимает странный оборот, что-то ударило его по колену.

Раздался глухой удар — Лу Няньци не успел среагировать, колено подкосилось, и он рухнул на землю.

Падение было неожиданным и тяжёлым. Он, сам того не ведая, угодил в какую-то ловушку. В ушах прозвенел механический щелчок, и под ногами у всех suddenly провалилось.

Ощущение стремительного падения, сопровождаемое скрежетом камней, кружило голову и сбивало с толку.

Падая вниз, Сюэ Сянь впервые испытал нечто вроде уважения к Сюань Миню. Этот проклятый лысый монах сумел сохранить равновесие в воздухе и чем-то замедлить падение, так что приземлился он твёрдо, не кувyrкаясь по полу.

В тот миг, когда Сюань Минь коснулся земли, Сюэ Сянь, чья шея всё ещё болталась у края мешка, почувствовал, как голова его резко дёрнулась вниз.

Конец, конец, конец! Сбылось предсказание этого лысого монаха — сейчас, чёрт возьми, и вправду оторвётся!

Сюань Минь выпрямился в темноте, смутно ощутив, будто что-то упало рядом.

— Ой-ой...

— Ссс... Рука чуть не отломилась.

— Что это за чёртово место? Голова кружится от удара.

— Мастер? Мастер Сюань Минь, вы здесь?

Слушая хаотичные стоны Цзян Шинина и Лу Няньци, Сюань Минь откликнулся: «М-м», — и зажёг бумажный талисман.

При свете огня он опустил взгляд и тут же встретился глазами с бумажной головой, лежавшей на земле.

Одна только голова.

Сюань Минь: «...»

— Мастер, что случилось? — Цзян Шинин, будучи призраком, имел перед Лу Няньци естественное преимущество, поэтому, кроме боли и лёгкого головокружения, серьёзных повреждений не получил и пришёл в себя первым. Поднимаясь с земли в полном беспорядке, он увидел, что Сюань Минь, держа в руке огонёк, молча и неподвижно смотрит в одну точку, словно оцепенев.

За недолгое время знакомства Сюань Минь всегда оставался невозмутимым и бесстрастным, казалось, ничто не может его испугать или вывести из себя. Видеть его в таком ошеломлённом молчании Цзян Шинину довелось впервые.

Что же должно было произойти, чтобы так поразить Сюань Миня?!

У Цзян Шинина ёкнуло сердце, и его охватило беспокойство.

Не получив ответа от Сюань Миня, он забеспокоился ещё больше, поспешно поднялся, чтобы подойти и взглянуть, но, сделав шаг, споткнулся.

— Ай! Смотри под ноги! — вскрикнул Лу Няньци от боли и дёрнул ногой.

— Виноват, не глядел куда ступаю, — поспешно извинился Цзян Шинин, а затем, увидев, что мальчик, сгорбившись, держится за голову, словно наполовину разбитый, с недоумением спросил:

— Тебя задели за ногу, а ты голову держишь. С чего бы?

— ... — Лу Няньци помолчал, а потом глухо ответил:

— Когда падал, не удержался и ударился лицом, лоб ободрал.

Цзян Шинин был слегка шокирован. Отвлёкшись, он вновь проявил свою врачебную сущность:

— Можешь встать? Где ещё ударился?

— Задел руку, которую раньше порезал, наверное, опять кровь идёт, — Лу Няньци потряс кистью и, в конце концов, опёрся на Цзян Шинина, чтобы подняться. — Больше ничего. А монах... кхм, он что-то нашёл? Почему молчит?

Оставшись без родителей в раннем возрасте, он не знал должных манер. Если бы Сюань Минь раньше не продемонстрировал свои способности, Лу Няньци даже не стал бы менять обращение и, наверное, так и называл бы его «монах».

Двое покалеченных, прихрамывая, подобрались к Сюань Миню. Поскольку тот всегда был холоден, они не решились подойти слишком близко, остановившись в полушаге и, словно сурикаты, вытянув шеи, чтобы разглядеть, что на земле.

Бумажный талисман в руке Сюань Миня, видимо, тоже был не простым: он горел уже долгое время, но всё ещё оставался небольшим огоньком на его пальцах — неярким, но достаточным, чтобы разглядеть лицо на земле.

Цзян Шинин: «.....»

Лу Няньци: «.....»

Честно говоря, при дрожащем жёлтом свете, в этой слепой ситуации, когда никто не знает, что ждёт впереди, внезапно увидеть оторванную голову товарища можно с ума сойти или расплакаться. Тем более что лицо Сюэ Сяня было обращено вверх, с кровью, сочащейся из всех семи отверстий, и широко раскрытыми глазами — вид жуткий и пугающий, как нельзя более кстати.

Однако...

Первой мыслью, промелькнувшей в голове Цзян Шинина, было: «Не могу найти слов».

Затем возникла другая: «Что за представление сейчас разыгрывается?»

И, наконец, в его сознании прозвучало: «Конец, если голова оторвана, как он может жить?»

Теперь он понимал, почему Сюань Минь так долго не реагировал. Подобное было поистине невероятно и невиданно.

Этот чудака только что болтал без умолку, и кто бы мог подумать, что он действительно сумеет себе голову оторвать?!

— А т... тело? — заикаясь, спросил Цзян Шинин.

Лу Няньци, всё ещё в шоке, вытаращил глаза на Сюань Миня.

Сюань Минь не произнёс ни слова, его лицо не выражало никаких эмоций. Он лишь достал из потайного кармана половинку бумажного тела. Прежде живая и подвижная бумажная оболочка теперь лежала на его ладони неподвижно, словно превратившись в обычный тонкий лист — простой и безмолвный.

Цзян Шинин открыл рот, но не смог ничего сказать. Первым заговорил Лу Няньци:

— Он... он человек или призрак? В таком состоянии он ещё может жить?

— Должен бы... — машинально начал Цзян Шинин, но понял, что не может продолжить. Он помедлил, осторожно поднял с земли тонкую голову и робко позвал:

— Сюэ... брат Сюэ? Ты в сознании? Если слышишь, ответь.

...

Он затаил дыхание, ожидая, но ответа не последовало. Рука, державшая голову Сюэ Сяня, дрогнула, и он поспешно передал её Сюань Миню.

— Может, клеём приклеить? — сухо предложил Лу Няньци.

А разве поможет? Ты видел, чтобы кто-то приклеивал оторванную голову и оживал? Сам попробуй!

Цзян Шинин был полон сарказма, но, учитывая юный возраст Лу Няньци, сдержался и лишь с беспокойством и раздражением смотрел на обезглавленного Сюэ Сяня.

И тут Сюань Минь, всё это время молча смотревший на свою ладонь, наконец заговорил:

— Не спасти. Сожжём.

Цзян Шинин и Лу Няньци почти одновременно вскрикнули:

— Что?

Выражение лица Сюань Миня не изменилось, он был холоден и серьёзен. Цзян Шинин поверил ему, и ноги его слегка подкосились:

— Мастер, вы серьёзно?

— Я бумажных кукол не хороню, — ответил Сюань Минь и поднёс горящий талисман к бумажному телу Сюэ Сяня.

В тот миг, когда пламя было готово коснуться бумаги, у самого уха Сюань Миня раздался зловеший голос:

— Руки прочь, посмей только!

Голос явно исходил уже не от бумажной оболочки, а из пустоты рядом с ухом Сюань Миня.

Цзян Шинин, всё ещё сомневающийся и встревоженный, услышав голос, резко поднял голову и устремил взгляд на Сюань Миня,водя глазами вокруг, но не решаясь заговорить, поскольку не мог найти источник звука.

На самом деле, в момент разрыва бумажной оболочки Сюэ Сянь, чтобы избежать лишней боли, высвободил свою истинную душу из бумаги. Истинная душа не имела физической формы, она была подобна ветру или воздуху, и её никто не мог увидеть. Это совпало с желанием Сюэ Сяня — он случайно умудрился оторвать себе голову, что было весьма стыдно, и он не хотел показываться на глаза.

Поэтому он молча собрался за спиной Сюань Миня, став настоящей потусторонней сущностью.

Он думал, что, подкравшись так незаметно и прошептав что-то зловещее на ухо лысому монаху, заставит того потерять самообладание.

Но Сюань Минь даже не повернул головы и, ничуть не удивившись, ответил:

— Хватит притворяться мёртвым?

Сюэ Сянь: «...»

Как говорится, каждому своё. С тех пор как он встретил этого лысого монаха, Сюэ Сянь чувствовал, что его вот-вот хватит удар.

— Как ты догадался, что я притворяюсь? — Сюэ Сянь, не сумев напугать, был раздражён и сквозь зубы выдавил эти слова.

Сюань Минь, не меняя выражения лица, перевернул ладонь, положив обратно в потайной карман бумажную оболочку, которую собирался сжечь, и спокойно ответил:

— Негодяи живут тысячу лет.

<http://bllate.org/book/16289/1467894>